

— Но это будет тяжело для тебя. В тот момент... у меня не было выбора. В такой ситуации, если бы я не поступил так, то не смог бы ничего сделать!

— Ничего страшного, я понимаю твои трудности и буду ждать тебя... — ответила Шао Жу с пониманием. — Кстати, я вспомнила кое-что.

— Что же?

— Месяц назад Ань Тун посещала Обитель Цайвэй, чтобы встретиться с Ша Цяньцянь, и после этого ходила туда ещё два раза. Хотя я не знаю, о чём они говорили, но, судя по твоим словам, кажется, они пришли к какому-то соглашению.

Цзян Чэньань внезапно понял: он не ошибался, это действительно была ловушка, устроенная семьёй Ань, чтобы опозорить его!

Семья Ань хотела унижить его, чтобы добиться расторжения брачного договора, но он ни за что не позволит им добиться своего! Он не только не расторгнет договор, он ещё и женится на Ань Тун, а потом сделает так, что ей будет хуже смерти, чтобы смыть сегодняшний позор!

В усадьбе семьи Ань царил мрачная атмосфера. Ли Цзиньсю вышла из внутренних покоев, и староста Ань поднял голову:

— Как там Тун?

— Уснула, — ответила Ли Цзиньсю.

Болезнь Ань Тун внезапно обострилась, и вся семья Ань была в панике. Лекарь провёл ей иглоукалывание, после чего она выглядела очень подавленной. Ли Цзиньсю пыталась утешить её разговорами. Хотя расторгнуть брачный договор пока не удалось, но, учитывая сложившуюся ситуацию, семья Цзян вряд ли сможет легко завершить свадьбу. Всё зависело от того, насколько Цзяны готовы терпеть.

Староста Ань молчал. Ли Цзиньсю взглянула на молчаливую Ша Цяньцянь, но тоже ничего не сказала.

Ша Цяньцянь наконец заговорила:

— То, что вы просили меня сделать, я выполнила.

— Мы не те, кто нарушает свои обещания. То, что мы пообещали, выполним, — староста Ань махнул рукой.

— Не нарушают обещаний? Что касается расторжения брачного договора, это звучит несколько сомнительно. Хотя этот договор был заключён нашими предками, так что нельзя винить старосту Ань, — подумала Ша Цяньцянь.

— Семья Цзян, вероятно, теперь ненавидит и тебя. Почему бы тебе не переехать в деревню Фуцю? Мы сможем тебя защитить, — спокойно предложила Ли Цзиньсю.

— Прежде чем приехать сюда, я уже всё устроила. Мне не удалось помочь младшей госпоже Ань, и теперь принимать покровительство вашей семьи было бы несправедливо, — вежливо отказалась Ша Цяньцянь.

Ша Цяньцянь была человеком принципов. Хотя семья Ань угрожала ей, она выполняла свои

обещания с полной отдачей. Если что-то не удавалось, она не принимала лишних милостей. Это вызывало у Ли Цзиньсю искреннее уважение.

— В таком случае, прошу прощения за недостаточное гостеприимство, и мы не будем вас задерживать.

Хозяева дали понять, что гостю пора уходить, и Ша Цяньцян, не задерживаясь, попрощалась и покинула деревню Фуцю в сопровождении своих слуг.

До сих пор большинство событий, происходивших с Ань Тун, отличались от её прошлой жизни, но в ключевые моменты всё шло по схожему сценарию.

В прошлой жизни, хотя брачный договор с Цзян Чэнъянем не был расторгнут, в итоге она стала препятствием на пути Цзян Чэнъяня и главной героини. Ради так называемой «истинной любви» её безжалостно отвергли.

А в этой жизни она хотела расторгнуть брачный договор, но Цзян Чэнъянь, считая, что расторжение договора со стороны семьи Ань наносит удар по его достоинству, категорически отказывался это делать.

По сути, она всё ещё оставалась препятствием в глазах автора.

— Почему так происходит? — Ань Тун схватилась за голову, пытаясь проникнуть в глубины своей памяти. Но когда воспоминания нахлынули словно прилив, её голова словно взорвалась.

Ань Тун открыла глаза и увидела знакомое хаотичное пространство. Она посмотрела на своё ослабленное тело и почувствовала ужас — неужели она снова умерла и вернулась сюда?

Через мгновение хаос начал рассеиваться, и перед ней проступили знакомые очертания деревни Фуцю. Каждый куст, каждое дерево были такими знакомыми, словно вчерашний день повторился.

Усадьба семьи Ань была украшена белыми шёлковыми лентами и фонарями, изнутри доносились звуки молитв монахов, проводивших обряд поминовения. Ань Тун посмотрела на гроб в главном зале. Её отец сидел с поникшей головой, Ань Синь и другие были в глубокой скорби, рыдая.

Ань Тун вдруг поняла, что это за момент. Её нос защекотало, и она хотела протянуть руку, чтобы коснуться измождённого старосты Ань, но, протянув руку, осознала, что всё это лишь детали прошлого, которые не были показаны в оригинальной истории. Она уже давно умерла и не могла коснуться их.

— Неужели перерождение было иллюзией? Все эти полгода были лишь моей фантазией? — невольно спросила себя Ань Тун.

Служанка поддерживала Ли Цзиньсю, когда та выходила, но Ань Тун едва узнала её. Она больше не была той величественной и энергичной женщиной. Её лицо было бледным, морщины казались более заметными. Аккуратно уложенная причёска теперь была растрёпана, и даже несколько седых волос были видны.

Её острый, любящий взгляд теперь был полон печали и слез. Это было истинное проявление разбитого сердца.

Как же её родители могли так измениться? Ань Тун не смогла сдержать слёз.

Внезапно в дверь ворвалась группа людей, и привратник не смог их остановить, только крикнул:

— Что вы делаете? Это дом семьи Ань, сюда нельзя просто так входить!

— Даже мы не можем войти? — раздался громкий окрик.

Староста Ань обернулся и увидел Цзян Даофана и Цзян Чэнъяня. За ними стояли несколько членов семьи Ань и группа чиновников.

— Вы? — староста Ань и Ли Цзиньсю встали, глядя на них.

На следующий день после смерти Ань Туна Цзян Чэнъянь уже приходил, но быстро ушёл. В деревне ходило много слухов, порочащих Ань Тун, и староста Ань не имел сил их остановить, хотя понимал, что семье Цзян нужно будет дать объяснение.

— Добродетельный брат, услышав эту печальную новость, я был так потрясён, что немедленно хотел прийти, чтобы утешить вас. Но из-за занятости по службе смог прийти только сегодня, чтобы зажечь благовония в память о племяннице, — вздохнул Цзян Даофан.

Староста Ань прослезился:

— Брат Даофан, спасибо, что пришли.

— Почему же такое случилось? Добродетельный брат, сестра, прошу вас, примите мои соболезнования, — добавил Цзян Даофан.

— Брат Даофан, теперь, когда... — староста Ань не закончил фразу, как Цзян Чэнъянь перебил его:

— Дядя, сегодня я пришёл, чтобы обсудить расторжение брачного договора!

Староста Ань опешил, не сразу поняв, что сказал Цзян Чэнъянь.

Цзян Даофан сделал вид, что ругает его:

— Разве нельзя оставить это на потом? Разве ты не видишь, что добродетельный брат и сестра скорбят?

Цзян Чэнъянь поклонился:

— Дядя, хотя сейчас неподходящее время для этого, но я, Цзян Чэнъянь, больше не могу оставаться женихом Ань Туна.

Ли Цзиньсю холодно произнесла:

— Тун умерла, она больше не выйдет за тебя замуж. Зачем ты оскорбляешь её перед её гробом?

Цзян Чэнъянь ответил:

— Все знают, почему умерла Ань Тун. Теперь все смеются надо мной, что у меня была бесстыдная и непорядочная невеста. Даже после её смерти моя репутация будет испорчена из-

за неё. Поэтому этот брачный договор должен быть расторгнут. А что касается оскорбления её? Какая у неё осталась репутация, чтобы её оскорблять?

— Ты! — староста Ань и Ли Цзиньсю были потрясены и разгневаны до предела лицемерием Цзян Чэньяня.

Они не только должны были пережить горечь потери своей любимой Ань Тун, но и терпеть унижение, которое семья Цзян наносила ей. Если бы взгляды могли убивать, отец и сын Цзян давно бы были уничтожены.

— Брат, послушай меня, просто расторгни этот договор! — в этот момент вышел младший брат старосты Ань.

— Ань Мао, какое тебе дело до этого! — староста Ань гневно крикнул, его глаза горели яростью, словно у разъярённого льва.

Ань Мао немного отступил, но, вспомнив о поддержке Цзян Даофана и своих родственников, выпрямился:

— Брат, я делаю это ради тебя, ради семьи Ань! Из-за происшествия с Ань Тун многие смеются над нашей семьёй. Говорят, что мы воспитали дочь, которая не соблюдает женские добродетели, не знает стыда...

— Замолчи, замолчи! Тун никогда бы такого не сделала! — Ли Цзиньсю, задыхаясь от ярости, указала на Ань Мао.

Она дрожала от гнева, чувствуя, как её внутренности скручиваются от боли.

Староста Ань тоже не смог сдержаться и хотел броситься на него, но его удержали. В такой ситуации, даже если он был недальновидным, он понял намерения Цзян Даофана и Ань Мао.

Эти люди замыслили недоброе!

— Найдите Ань Цяя! — староста Ань приказал слуге.

Но тот, пытаясь поспешно уйти, был остановлен чиновниками у входа.

— Что вы делаете? — гневно спросил староста Ань.

<http://bllate.org/book/16381/1482670>